

Предстоятель Ассирийской Церкви Востока дал интервью РИА Новости

*О взаимоотношениях Ассирийской Церкви Востока и Русской Православной Церкви, о препятствиях к единству христиан и об ассирийской общине в России и других странах рассказал в **эксклюзивном интервью РИА Новости** Святейший Католикос-Патриарх Мар Ава III.*

– Ваше Святейшество, как прошла встреча с Патриархом Кириллом? К каким выводам и договоренностям вы пришли?

– Эта встреча со Святейшим Патриархом Кириллом, как и все наши встречи, была очень братской. Его Святейшество, как всегда, принял меня и делегацию в очень сердечном духе. Конечно, мы говорили и о нынешнем состоянии официального двустороннего диалога между Русской Православной Церковью и Ассирийской Церковью Востока – эта комиссия (двусторонняя комиссия по диалогу – ред.) собирается раз в год. Был представлен обзор работы за последние

несколько лет. Акцент был сделан на двух вещах. Во-первых, это студенческий обмен духовных учебных заведений на уровне бакалавриата и магистратуры по теологии, во-вторых, сотрудничество наших Церквей в области молодежного служения. Мы также обсудили, конечно, положение христиан на Ближнем Востоке и печальные события на Украине, особенно в отношении канонической Церкви, и другие вопросы.

Касались ли вы во время встречи ситуации в Израиле, Палестине и секторе Газа?

– Да, мы говорили об Израиле и Палестине, о нынешнем конфликте. Все мы страдаем, видя, что там происходит, особенно видя, через что проходят невинные люди, дети. Мы молимся о немедленном прекращении огня, о том, чтобы обе стороны смогли сесть за стол переговоров, обсудить проблемы и посмотреть, какие есть перспективы для того, чтобы обе стороны получили то, к чему стремятся – к государственности и соблюдению прав обоих народов.

– Вы уже затронули вопрос о студенческом обмене. Есть ли будущие священники Ассирийской Церкви, обучающиеся в семинариях Русской Церкви, и возрастет ли их число в ближайшие годы?

– Думаю, их число вырастет. Так, сейчас у нас есть священник, который готовится к поступлению на бакалавриат по теологии в Московскую духовную академию. Есть диакон-ассириец, родившийся в России. Он закончил магистратуру в Общецерковной аспирантуре и докторантуре имени Кирилла и Мефодия. Так что мы надеемся, что у нас будет еще два-три студента, тоже священника, которые также будут учиться в ОЦАД, а диакон продолжит обучение в аспирантуре, чтобы получить кандидатскую степень.

Еще один священник только что приехал из США и служит в Ростове-на-Дону, чтобы пастырски организовать там нашу общину, у которой сейчас нет храма. Раньше он служил под моим началом в епархии Калифорнии. Я хотел бы благословить ему защиту докторской в ближайшие год-два.

– То есть вопрос о храме в Ростове-на-Дону находится в стадии решения?

– Он в процессе разрешения, и мы, конечно, благодарим Московский Патриархат за помощь по линии Отдела внешних церковных связей. Они также рассматривают этот вопрос. В 2014 году, когда я приезжал в Россию вместе со своим предшественником-католикосом, он заложил первый камень в основание нового храма Иоанна Крестителя (по-ассирийски Мар Юханнан Маамдана). К сожалению, возникли некоторые препятствия, и осуществить его строительство до конца мы не смогли. Поэтому сейчас мы возвращаемся к этому вопросу, нам нужно построить храм, чтобы наша ассирийская община могла собраться вокруг него.

– В ходе поездки Вы посетили русские монастыри во Владимирской митрополии. Сохраняется ли сейчас традиция монашества в Ассирийской Церкви Востока?

– К сожалению, в настоящее время у нас в Церкви нет монахов-мужчин. У нас есть женский монастырь в нашей архиепархии в Индии. Но я надеюсь, что в будущем мы сможем возобновить монашество. Конечно, Ассирийская Церковь на протяжении своей истории была очень и очень активна в монашестве, но в результате гонений она была практически уничтожена, можно сказать, стерта с лица земли. Поэтому сейчас, когда Церковь восстанавливает силы, мы надеемся, что в будущем сможем возродить монашескую традицию.

– Когда вы говорите о гонениях, которые ослабили силу Ассирийской Церкви, о каких гонениях идет речь? Это то, что происходило на Ближнем Востоке в последние годы с террористами Исламского государства (террористическая организация, запрещенная на территории России – прим.) или в XX веке? Или, может быть, раньше?

– Гонения присутствовали во все периоды нашей истории, но особенно они участились со времен Первой мировой войны. С 1915 по 1918 год две трети нашего народа были убиты в некоторых частях Османской империи или вынуждены были покинуть ее через Урмию (город в западном Азербайджане – ред.) и поселиться на землях, которые позже станут Ираком. В 1933 году в Королевстве Ирак произошла еще одна резня. И, конечно, в 2014 году огромный урон нашему народу нанесли роковые события, связанные с появлением ИГИЛ в Ираке и Сирии. Многие из-за этого покинули страну. Мы надеемся, что больше никогда не увидим ничего подобного, чтобы мы могли вновь обрести силу как Церковь и как народ.

– Осели ли в России покинувшие Ближний Восток ассирийцы?

– Насколько мне известно, очень немногие из них прибыли в Россию после провозглашения ИГИЛ. Преимущественно переселение ассирийцев в Россию связано с периодом Первой мировой войны и даже предшествовавшему ей времени. То есть они переезжали с 1915 по 1918 год, в 20-е и 30-е годы, но после появления ИГИЛ – разве что единицы. Так что здесь, в Российской Федерации, наша община – это историческая община.

– А как сейчас чувствует себя ассирийская община в России? Чувствует ли она себя, прежде всего, в безопасности?

– Конечно. Ассирийцы уже около двух столетий живут в России и жили в ней еще в те времена, когда она была Российской империей. Поэтому они чувствуют себя в безопасности,

интегрированы в российское общество, но при этом сохраняют свои традиции и свою веру.

– Много ли ассирийцев сейчас живет в России, учитывая, что в мире их около 400 тысяч? Сколько у них сейчас церквей, приходов?

– У нас есть три прихода в Центральной России. Кроме того, у нас есть общины и приходы в Армении, Грузии. Если говорить о численности, то, если брать все постсоветские государства, включая и Российскую Федерацию, то в них, по грубой оценке (у нас нет переписи или точного числа), проживает около 30-35 тысяч человек.

– Гонимы ли ассирийцы в мире сегодня, ищут ли убежища в России?

– Возвращаясь к событиям, связанным с ИГИЛ, в 2015 году около 230 наших соплеменников были похищены этой организацией в Сирии в долине реки Хабур, где расположены 34 ассирийских деревни. Большинство ассирийцев из тех, что жили в Сирии, уехали – ее вообще покинули многие, очень многие христиане. Я знаю, что в начале войны, в 2011 или 2012 году, Россия выдала около 50 тысяч виз сирийским христианам, со стороны российского правительства было инициативой принять их. Они не переезжали в Россию целенаправленно, но я думаю, что если бы они приехали, то, безусловно, были бы приняты. Если они решат это сделать, я уверен, что они, безусловно, смогут жить в безопасности и сохранить свою веру и традиции.

– Как ассирийцы и Ассирийская Церковь чувствуют себя в современном Ираке?

– Что касается Ирака, то сейчас страна начинает собираться по кусочкам и самоорганизовываться после 2003 года, когда пал режим Саддама Хуссейна. А ведь после этого прошло уже двадцать лет. К сожалению, политически страна еще неустойчива. Но самым лучшим регионом для христиан стал Курдистан, в столице которого Эрбиле сейчас находится наш Патриархат. Другие регионы страны, к сожалению, менее стабильны. Но в целом Ираку еще нужно обрести политическую стабильность, безопасность и защищенность. И наши люди сейчас уезжают, поэтому с 2003 года, с падения Саддама, их число значительно уменьшилось. Это очень печальный для нас факт и большая трагедия. Мы хотим, чтобы наши люди остались, потому что ассирийцы – как ассирийцы и как христиане – живут на этой земле уже много тысячелетий. Христианство в Ираке существует с самого первого века, с апостольских времен, поэтому сейчас мы стоим перед проблемой, как удержать в стране наших людей.

– Как в Ираке складываются отношения с мусульманами? Существуют ли общие гуманитарные программы, в которых совместно участвуют Ассирийская Церковь и иракские мусульмане?

– Безусловно, было много гуманитарных программ. У Ассирийской Церкви Востока есть благотворительная организация Assyrian Church of the East Relief Fund, мы помогали мусульманам в Ираке, где в этом была необходимость. Мы проводим конференции, диалоги и различные встречи в стране, особенно в курдистанском регионе Ирака, в столице Ирака Багдаде, а также в других частях страны. Общение происходит довольно часто. Так что мы в хороших отношениях с нашими мусульманскими соседями. И в целом мы вместе несем бремя того, что переживает страна, потому что все иракцы сейчас действительно страдают.

– Участвует ли в диалоге и помощи Русская Православная Церковь?

– Русская Православная Церковь вносила свою лепту и в Ираке, и в Сирии. Преимущественно в Сирии.

– Об Ассирийской Церкви Востока говорят, что она принадлежит к доэфесской традиции. Является ли она единственной Церковью, исповедующей ее? И в таком случае с какими Церквями она поддерживает молитвенное общение?

– Вы правы, Ассирийскую Церковь Востока в современном диалоге называют доэфесской. Мы действительно являемся уникальной Церковью в том смысле, что формально не находимся в общении ни с какой другой Церковью. Мы не входим ни в семью Православных Церквей, ни в семью Древних Восточных Церквей, потому что Древние Восточные Церкви являются дохалкидонскими: они признают собор в Эфесе (3-й Вселенский Собор 431 года – ред.), но не в Халкидоне (4-й Вселенский Собор 451 года – ред.). Для них это точка разрыва. Для нас же точкой разделения, если хотите, является Эфесский Собор. Но даже несмотря на это между нами и Русской Православной Церковью не было никаких формальных анафем, мы не переживали Великую схизму 1054 года. Мы никогда в этом не участвовали. Собственно, наша Церковь, находясь в Персидской империи, никогда не была частью Вселенских Соборов. Известия даже о Никее и Константинополе (о первых двух Вселенских Соборах – ред.) мы получили только спустя несколько десятилетий. Так что из-за этой, если можно так назвать, изоляции или удаленности от Римской империи соотнесение учения с определениями Вселенских Соборов для нас стало проблемой только позже, когда мы должны были либо принять, либо не принять Соборы.

– Значит, это была изоляция, а не раскол?

– Формального раскола нет. Скорее, это изолированный статус, когда Церковь просто продолжает существовать сама по себе.

– Значит, возможно, мы можем надеяться, что когда-нибудь Ассирийская Церковь Востока сможет вернуться к молитвенному общению и единству с Русской Православной Церковью и, возможно, с другими Церквями древневосточной традиции и православной семьи?

– Это действительно наша надежда, особенно в рамках нашего двустороннего диалога с Русской Православной Церковью. Я надеюсь, что мы достигнем того дня, когда сможем иметь взаимное общение и признание таинств. Конечно, что касается Русской Церкви, поскольку она является частью восточно-православной семьи, то и восстановление общения должно быть решением восточно-православной семьи. Но я не считаю, что есть богословские препятствия, которые могут мешать этому. Тем не менее, мы должны обсудить богословие и христологию и прояснить эти вещи. С Древними Восточными Церквями, возможно, придется еще поработать, потому что наша христология диофизитская (христологическая концепция, согласно которой в Иисусе Христе признаются божественная и человеческая природы, которой придерживаются православные христиане – ред.), а не миафизитская (учение о единстве без смешения и разделения божественного и человеческого начал во Христе, которого придерживаются древневосточные Церкви – ред.). В этом смысле мы ближе к формулировке Халкидонского Собора. Но мы все же надеемся, что когда-нибудь сможем открыть диалог и с коптами, и с Древними Восточными Церквями в целом.

– То есть, насколько я понимаю, жестко установленных канонических препятствий к общению и единству нет.

– По отношению к какой Церкви?

– Русской, в частности, но в целом Православной. И отдельно к Древним Восточным Церквям.

– Я не думаю, что такие есть. Определенно, в случае с православными мы должны смотреть на христологические формулировки Эфесского Собора. Конечно, в Эфесе были осуждения, которые наша Церковь впоследствии решила не принимать. Под принятием я имею в виду формальную рецепцию этих формулировок. Что касается древневосточной семьи Церквей, то, конечно, есть Халкидонский Собор: хотя мы и не приняли его формально, но каноны Халкидонского Собора мы исповедуем. И некоторые христологические или богословские формулировки стали частью нашей канонической традиции, правда, неофициально, но они там присутствуют. Так что мы гораздо ближе к халкидонским формулировкам, особенно по двум природам во Христе.

– На вашей литургии в московском храме Ассирийской Церкви было видно немало

русских. Как заключаются браки между представителями разных общин, например, между мужем-ассирийцем и русской женой или наоборот? Нужно ли для этого получать благословение епископа?

– Что касается меня, то я бы не смог отличить их друг от друга, потому что есть ассирийцы, которые выглядят очень по-русски. Я мог бы и причащать их, думая, что они ассирийцы. Но, как правило, мы не принимаем верующих из других Церквей. Что же касается нашего местного прихода, то если у них хотя бы один из родителей не ассириец, то мы, скорее всего, не будем совершать таинства.

– Как верующие Ассирийской Церкви и Вы лично воспринимаете события в Израиле, в Палестине и секторе Газа? Чувствуют ли ассирийцы и вообще христиане на Ближнем Востоке угрозу последствий, к которым может привести война?

– Мы все скорбим из-за происходящего в секторе Газа и молимся, как я уже говорил, о немедленном прекращении огня ради гибнущих невинных людей. Но есть опасение, что происходящее на Святой Земле перекинется и на Ближний Восток. Например, мы наблюдаем активность на юге Ливана, в Сирии, в Ираке. Конечно, люди опасаются, потому что на Ближнем Востоке политика подвижна, несмотря на устоявшиеся границы. То, что происходит в одной стране, как правило, отражается на соседних. Поэтому есть опасения, что конфликт перекинется на Ирак, Ливан, Сирию. Это было бы катастрофой.

Поэтому мы считаем, что обе стороны должны сесть за стол переговоров при посредничестве третьих стран или ООН, которые могли бы заставить их сесть за стол переговоров, прекратить огонь, освободить заложников, выровнять ситуацию.

– В мире наблюдается рост числа антисемитских акций. Ощущают ли христиане Ближнего Востока, в частности Ассирийская Церковь, угрозу не только из-за самой войны, но и из-за растущей волны ксенофобии, экстремизма?

– Антисемитизм или любая другая форма экстремизма, конечно, должна быть осуждена, будь то религиозный экстремизм или этнический. Это не те взгляды, которые христианин может разделять. С другой стороны, например, во время событий 11 сентября в разных частях Запада наблюдался рост экстремизма в отношении мусульманской общины. Осуждению подлежит и то, и другое, это неправильно.

Когда растет антисемитизм в преимущественно мусульманских странах, христиане в Ираке и других частях Ближнего Востока боятся, потому что мы меньшинство на Ближнем Востоке.

Естественно, что если одна группа меньшинства подвергается угрозе, то и другие чувствуют ее. Это затрагивает и наши чувства, и нашу безопасность. Экстремизм не способствует улучшению ситуации.

Обе стороны должны сесть и разумно поговорить о том, что происходит, чтобы обе стороны могли получить те права, которые им полагаются. И израильтяне, и палестинцы, конечно, имеют право на существование как нации, как народы и как государства. И это, надеюсь, может быть целью, но достигать ее нужно мирными средствами, а не военными действиями, не бесчеловечным захватом в заложники детей и женщин. Это должно быть осуждено так же, как и атаки на мирных граждан, собравшихся на какое-то мероприятие. Это не действия человека, это бесчеловечная расправа.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/91055/>